

УДК / UDC 1 (091) (430) «17» : 128
DOI 10.35231/18186653_2022_1_20

Кантовская критика доказательства постоянности души М. Мендельсоном

А. В. Шевцов

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Москва, Российская Федерация*

Введение. Задачей статьи является определение точек пересечения между философией М. Мендельсона и И. Канта на примере осмысления ими понятия «постоянности души».

Содержание. В статье рассматривается ряд пересечений между трактатом М. Мендельсона «Федон или о бессмертии души» (1767) и отдельными местами первой главы «О паралогизмах чистого разума» второй книги «Трансцендентальной диалектики» сочинения Иммануила Канта «Критика чистого разума» (1781). Один из параграфов этой главы Кант специально посвятил «Опровержению мендельсоновского доказательства постоянности души». Автор показывает, что Кант уточняет критику традиционных философских понятий, начатую Мендельсоном, и идет дальше, к определению критики как познавательной способности человека. В статье показываются исходные основания критического подхода Мендельсона и их отличия от критицизма Канта.

Выводы. Трактат Мендельсона «Федон...», выразивший ряд ключевых идей немецкого Просвещения, оказал влияние на подход Канта в «Критике чистого разума». Кантом проясняется трансцендентализм некоторых абстрактных понятий, использованных Мендельсоном, в том числе, понятия «постоянности души» и «бессмертности души».

Ключевые слова: М. Мендельсон, «Федон или о бессмертии души», И. Кант, «Критика чистого разума», критицизм, «постоянность души», трансцендентальная философия.

Для цитирования: Шевцов А. В. Кантовская критика доказательства постоянности души М. Мендельсоном / А. В. Шевцов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 1. – С. 20–30. DOI 10.35231/18186653_2022_1_20

Kantian criticism of the Mendelssohnian soul constancy proof

Alexander V. Shevtsov

*Moscow aviation institute (national research university),
Moskva, Russian Federation*

Introduction. The aim of the article is to determine the points of intersection between the philosophy of M. Mendelssohn and I. Kant by the example of their understanding of the “constancy of the soul” concept.

Content. The article examines a number of intersections between M. Mendelssohn's treatise “Phaedo or on the Immortality of the soul” (1767) and individual passages of the first chapter “On the paralogisms of Pure Reason” of the second book of “Transcendental Dialectics” of Immanuel Kant's work “Critique of Pure Reason” (1781). Kant specifically devoted one of the paragraphs of this chapter to “Refuting Mendelssohn's proof of the permanence of the soul”. The author shows that Kant clarifies the criticism of traditional philosophical concepts initiated by Mendelssohn, and goes further to create criticism in general as a cognitive ability of a person. The article shows the initial foundations of Mendelssohn's critical approach and their differences from Kant's criticism.

Conclusions. Mendelssohn's treatise “Phaedo...”, which expressed a number of key ideas of the German Enlightenment, influenced Kant's approach in the “Critique of Pure Reason”. Kant clarifies the transcendentalism of some abstract concepts used by Mendelssohn, including the concepts of “permanence of the soul” and “immortality of the soul”.

Key words: M. Mendelssohn, “Phaedo or on the immortality of the soul”, I. Kant, “Critique of Pure Reason”, criticism, “permanence of the soul”, transcendental philosophy.

For citation: Shevtsov, A. V. (2022). Kantovskaya kritika dokazatel'stva postoyannosti dushy M. Mendel'sonom [Kantian criticism of the Mendelssohnian soul constancy proof] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. pp. 20–30. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_1_20

Введение

В 1767 г. появился знаменитый трактат Моисея Мендельсона «Федон или о бессмертии души», который принес известность и славу его автору. Это было первое крупное сочинение немецкого философа¹. Через 18 лет в 1785 г. в Берлине выходит последнее крупное сочинение Мендельсона, «Утренние часы или чтения о бытии Бога» [12]. А в 1781 г. вышла первая редакция «Критики чистого разума» Иммануила Канта. Остановимся подробнее на одном месте из «Критики чистого разума», посвященном Кантом «опровержению мендельсоновского доказательства постоянности души» [1, с. 247–256] и свидетельствующем о том, что Кант был в курсе всех новинок в философской литературе.

Содержание исследования

Как известно, Мендельсон и Кант переписывались, и Кант даже полагал вопрос о бессмертии души, затронутый Мендельсоном, одним из трех главных предметов – свободы воли, бессмертия души и бытия Бога, к которым устремлена спекуляция разума в трансцендентальном применении [1, с. 468]. Вопросу, поставленному Мендельсоном, Кант отводит одно из центральных мест в своей «Критике чистого разума», от дискуссии вокруг которого Кант и будет выстраивать свою критику разума человека.

¹ Рассмотрение этого труда автором статьи см.: [8].

Кант в своей критике адресовался к пониманию души, представленному Мендельсоном в его «Федоне» [13]. В «Критике чистого разума» Кант разбирает идеи о «душе» и «будущей жизни» как заблуждения разума или паралогизмы чистого разума, считая их типичными недочетами всей прежней философии. Мендельсон, как корреспондент Канта, во многом послужил для него образцом такого философа прежнего времени. Последнее прижизненное сочинение Мендельсона, «Утренние часы или чтения о бытии Бога» [12], выйдет только в конце 1785 г.

Очевидно, что Кант в «Критике чистого разума» отводил именно опровержению подхода Мендельсона к истолкованию гносеологической проблематики в философии одно из центральных мест. Предметом критики являлась традиционная точка зрения на философию, исповедуемая, как полагал Кант, в том числе и Мендельсоном в первом его сочинении (в «Федоне»). Хотя кантовская «критика» Мендельсона адресовалась трактовке бессмертности души, Кант в целом показал положения философии Мендельсона как паралогизм, т. е. как типовое и традиционное заблуждение разума [3].

Интересно, что Кант при построении своей теории разума отталкивался от опровержения таких паралогизмов и абстракций, как присутствующие в трудах Мендельсона положения о вере «бессмертие души» и «бытие Бога». Но Мендельсон-то и сам не испытывал веры в них, по крайней мере, как в отдельные субстанции. Он также сделал их предметом своей критики: разбирая вопрос о том, как и каким образом из одной субстанции выделяется еще одна субстанция?

Сделаем здесь промежуточный вывод: Кант рассматривал теорию Мендельсона в качестве типового примера для критики всей прежней философии, или всяческой метафизики. Но именно то же самое, собственно, пытался сделать и сам Мендельсон. Возможно, идеи Мендельсона как бы натолкнули Канта на дальнейшую проработку своей критики разума.

Опровержение мендельсоновского доказательства постоянности души находится почти в середине «Критики чистого разума», а именно в главе о паралогизмах чистого разума, в книге о трансцендентальной диалектике. Кант критиковал Мендельсона за то, что тот проводил обычную метафизическую критику, а Мендельсон критиковал Канта за то, что тот, как бы «изобретает» для своей критики также искусственный метафизический объект, «чистый разум», и строит свою критику, отталкиваясь от точно такого же искусственного объекта, как у него это было показано в «Федоне», где такими объектами выступали абстрактные понятия «бессмертие души» и «бытие Бога».

Как замечает Т. Г. Румянцева [4, с. 43–45; 5, с. 43], в одном из писем Канта к Мендельсону (от 7 февраля 1766 г.) кенигсбергский мыслитель сообщал о своей работе «Грезы духовидца, подкрепленные грезами метафизики», вышедшей в 1766 г., где можно обнаружить закамуфлированную полемику с Мендельсоном. Это была вполне корректная полемика. Кант высоко оценивал философское творчество Мендельсона, отзываясь о нем: «Хотя не всякому дано писать... так основательно и вместе с тем так изящно, как Моисей Мендельсон...» [2, с. 18]. Тем не менее, Кант относил концепцию Мендельсона к типичным заблуждениям философствования. Когда младший современник Канта и Мендельсона, Людвиг Генрих фон Якоб из Галле в 1786 г. написал свой труд «Испытание Мендельсоновых Утренних часов или всяких спекулятивных доказательств в пользу бытия Бога» [11], то Кант, по просьбе Якоба, прислал ему 4 августа того же года свою статью в качестве предисловия [11, s. XLIX–LX]. В духе кантовской критики, Якоб возводил свою концепцию о причинах возникновения у людей веры в бессмертие души к представлениям о долге [10].

Характеризуя подход Мендельсона, Кант писал: «Этот проницательный философ сразу заметил, что обычный довод в доказательство того, что от *деления* душа (если допустить, что она есть простая субстанция) не прекращает своего существования, недостаточен для обоснования необходимости ее постоянного существования, так как можно еще допустить, что душа перестает существовать потому, что она [вообще] *исчезает*» [1, с. 247]. Допущение Мендельсоном того, что вначале душа как самостоятельная субстанция была интегрирована в другую субстанцию (тело), после смерти которой, она продолжает свое существование (предварительно отделившись или выделившись) как «новая» субстанция, – видится Канту недостаточным для обоснования необходимости постоянного существования этой души. Можно допустить, полагал Кант, что душа просто исчезает, и это допустить легче, чем допустить то, что она выделяется из той субстанции, которая умирает (как тело), и продолжает жить дальше, что проблематично.

Кант называл определения субстанции акциденциями, которые, как особые способы ее существования, также реальны, поскольку непосредственно касаются ее существования, а отсюда следует, что:

«Если этому реальному в субстанции приписывают особое существование (например, движению как акциденции материи), то такое существование называют присущностью [*Inhärenz*, нем. – имманентный, внутренне присущий, не существующий самостоятельно – *A. III.*], но только как отношение свойств (акциденций) к их субстанции, в отличие от существования субстанции...» [1, с. 151].

В этом аспекте за субстанциально существующее можно принять то, что существует только в качестве внутренне присущего. А это могут быть те представления, что подходят под понятия «душа», «бессмертность души», «бытие Бога», но они будут только как предположения, как акциденции [9]. Если мы будем настаивать на их субстанциальности, то неминуемо окажемся с такой интерпретацией этих представлений в сфере паралогизмов. Заметим, что в последующем эта проблематика будет разрабатываться в рамках неокантианства в имманентной философии [6, с. 168].

Кант утверждает, что Мендельсон пытался доказать, что «так как простая сущность не может уменьшаться и постепенно превращаться в ничто, мало-помалу теряя свое бытие (ввиду того что в ней нет никаких частей, следовательно, никакой множественности), то она не может перестать существовать, так как между мгновением, когда она существует, и тем мгновением, когда она уже более не существует, не было бы никакого времени, что невозможно» [1, с. 247–248]. Однако, у Мендельсона также встречаются сомнения насчет того, каким образом из одного тела возникает некая бестелесность, и он полагал, что не лучше ли «назвать душой саму способность мыслить и решать» и что «аргументы за бессмертие души должны только запутывать дело...» [13, с. 140].

Отметив, что не только у Канта возникли сомнения, но и у Мендельсона тоже, выскажем предположение, что Кант, прочитывая «Федон» Мендельсона, как бы усиливал некоторые аспекты выводов Мендельсона, а другие как будто бы и не акцентировал. Поэтому здесь надо говорить о диалектичном общении Канта и Мендельсона – оба мыслителя делали одну и ту же работу, испытывая «паралогизмы» разума (заблуждения, стереотипы, традиционные и общепринятые воззрения) проверкой на истину. В определенном смысле Мендельсону было сложнее, ибо он пошел по этому пути раньше Канта, и поэтому рассчитывал в своем исследовании на критическое отношение к теме бессмертности души, как к некоторому испытанию, исследованию старой принятой на веру проблемы – совершенно в духе критицизма философии Просвещения [7, с. 261–265].

Вот, например, что пишет Кант по поводу усиления или ослабления степени интенсивности сознания:

«Однако он <Мендельсон> не принял в расчет, что если бы даже мы и признали душу простой сущностью, поскольку в ней нет ничего многообразного, <составные части> которого существовали бы *вне друг друга*, стало быть, в ней нет никакой экстенсивной величины, все же нельзя отрицать у нее, как и у всего существующего, интенсивной величины, т. е. степени реальности в отношении всех ее способностей и вообще всего того, что составляет <ее> существование, а эта интенсивная величина может убывать

через бесконечное множество меньших степеней и, таким образом, предполагаемая субстанция (вещь, постоянность которой еще вовсе не доказана) может превратиться в ничто если не путем деления, то путем постепенного ослабления (*remissio*) ее сил (стало быть, путем истощения, если можно воспользоваться здесь этим выражением). Ведь даже сознание всегда имеет степень, которая может быть еще уменьшена, следовательно, тем же свойством обладают также самосознание и все прочие способности. <...> для рациональной психологии этого недостаточно, так как она стремится доказать из одних лишь понятий абсолютную постоянность души даже и после смерти» [1, с. 248].

В примечании к этому месту Кант разъясняет, что здесь он усиливает рассуждение Мендельсона о том, что после смерти душа продолжает существовать где-то или как-либо, например, при помощи возможного «...деления простой субстанции на несколько субстанций и, наоборот, слияние (коалиция) нескольких субстанций в одну простую» [1, *прим.* с. 248]. Но Кант задается здесь вопросом, убедительно ли положение о том, что одна субстанция после смерти тела может быть мыслима существующей вне этого тела как первой субстанции, как возникшая вне этой субстанции в качестве ее копии и существующая как отдельная субстанция. Ведь тогда мы могли бы утверждать, замечает Кант, что с помощью такой «динамической» способности, к примеру, души родителей делятся и «производят души детей и затем пополняют свою убыль путем слияния с новым веществом того же рода» [1, *прим.* с. 249], что абсурдно и поэтому не стоит доверять подобного типа вымыслам.

Мендельсон, в свою очередь, выстраивает свою позицию по вопросу бессмертия души на следующем тезисе:

«...душа и тело находятся в точнейшей связи: причем такой, согласно которой все части постепенно отмирают, либо уничтожаясь, либо имея об этом представления. Но природными силами ничто не может уничтожиться, а отсюда наша душа естественным образом никогда не может иметь и понятия о прекращении» [13, s. 83]. И далее следует интересное обобщение: «Человек развивает свою врожденную способность чувствовать и мыслить с достойной удивления скоростью. С каждым ощущением у него вызывается некоторое количество познаний, которые человеческим языком невыразимы, и если эти ощущения сопоставить друг с другом, то тогда можно сравнивать, судить, заключать, решать, выбирать и отвергать – так многочисленно данные восприятия будут уходить в бесконечность» [13, s. 110].

В Приложении к своему «Федону» Мендельсон писал, что намерен показать «мою цельную теорию, которая основана на данном определенном тезисе, что ощущение, мышление и желание являются единственными действиями души, и этот тезис не относится к той школе, которой я принадлежу» [13, s. 139]. Таким образом, душой Мендельсон называл не какую-то отдельную субстанцию наряду с субстанцией вещества, тела, а только саму способность ощущать, мыслить и

желать. Но отсюда возникает вопрос: являются ли эти качества/способности сложными или простыми? [7, с. 265]. Мендельсон формулирует это как дилемму: «Способность или силу мыслить и желать я называю душой, и все мое доказательство основывается на следующей дилемме: мыслить и желать являются качествами сложными или простыми» [13, с. 140].

Кант в примечаниях к своему опровержению мендельсонова доказательства рассуждает следующим образом:

«Но если рационалист настолько дерзновен, что превращает одну лишь способность мышления без всякого постоянного созерцания, посредством которого был бы дан предмет, в самостоятельную сущность только потому, что единство апперцепции в мышлении не дает ему объяснения исходя из сложного и не замечает, что лучше было бы признаться в неумении объяснить возможность мыслящей сущности, то почему же *материалист*, хотя бы он в такой же мере мог сослаться на опыт для подтверждения указанных им возможностей, не имеет права на подобную же дерзновенность, чтобы воспользоваться своим основоположением для противоположного применения, сохраняя при этом то формальное единство, из которого исходит рационалист?» [1, с. 249].

Отсюда действительно следует, что «...постоянность души, поскольку душа есть предмет только внутреннего чувства, остается недоказанной и даже недоказуемой; правда, ее постоянность при жизни, когда мыслящее существо (как человек) есть предмет также внешних чувств, вполне очевидна, но для рациональной психологии этого недостаточно, так как она стремится доказать из одних лишь понятий абсолютную постоянность души даже и после смерти» [1, с. 248]. Кант сопоставляет то, что хотел доказать рационалист (философ, мыслящий критически, как он, Кант) и то, что хотел доказать приверженец рациональной психологии (теолог). Здесь вопрос заключается в том, к какому лагерю Кант относил и причислял Мендельсона?

Кант ценил сочинение Мендельсона «Федон или о бессмертии души», но добавил бы со своей стороны, будь он на месте Мендельсона, этому тексту большей степени критицизма. Поэтому Кант писал, нисколько не опровергая Мендельсона, но наоборот, поддержав его, что «все мыслящие существа, как таковые, суть субстанции...». Здесь Кант повторяет или подтверждает философию Мендельсона, и добавляет, что «...мыслящие существа в этой системе [рациональной психологии], не только сознают независимо от внешних вещей, но и могут определять сами из себя...» [1, с. 249].

Кант добавляет, что для такой рационалистической системы свойствен идеализм, причисляя тем самым Мендельсона к идеалистам. Но это верно, если считать, что Кант критикует концепцию Мендельсона. Если же усмотреть у Канта,

наоборот, поддержку тезиса Мендельсона против защитников концепции «бессмертности души», то, по нашему мнению, здесь Кант виртуозно одобрил критическое положение Мендельсона, признавая, тем самым приоритет Мендельсона в этом пункте.

В качестве предварительного итога, к которому пришли оба мыслителя немецкого Просвещения, Мендельсон и Кант, возникает представление о том, что Бога нет в качестве отдельной субстанции, нет также и в качестве субстанции, выделившейся из основной, первой или единственной субстанции. Его нет в качестве отдельной сущности, как существующей исторически или генетически первой по отношению к человеку.

Исходный предмет, сближавший этих двух мыслителей, был один – «испытание» доказательства бессмертия души. В результате этой работы, Кант построил концепцию «Критики чистого разума», а Мендельсон, после проведения критики метафизики предшественников и современников, также пришел к идее формализации аксиоматики философии в своем последнем прижизненном сочинении «Утренние часы или чтения о бытии Бога» (1785) [12].

Кант пришел к выводу, что воззрение на бессмертие души смешивается многими людьми с тем взглядом, согласно которому мир создается неким другим субъектом (именно об этом и пытался сказать Мендельсон), и это является мнимостью или призраком духовидца. Поэтому Кант позитивно откликнулся в 1766 г. на разбор Мендельсоном мистического учения шведского теософа и мистика Сведенборга своим эссе «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (об этом см.: [5; 6]). А появившееся в 1767 г. сочинение Мендельсона «Федон или о бессмертии души» сразу, очевидно, сблизило Канта с Мендельсоном на почве общей критической проверки вопроса о бессмертии души.

Выводы и заключение

В ходе исследования того места в «Критике чистого разума», где Кант писал о концепции «проницательного философа», проясняются выводы, к которым пришел Мендельсон в своем «Федоне» о постоянности души. Можно сказать, что их и переписал набело Кант в своей теории чистого разума. По Канту: «...так как предмет внутреннего чувства имеет формальным условием своего созерцания только время, а предмет внешних чувств – также пространство...и остается только вопрос, как вообще возможно общение между субстанциями; но ответ на этот вопрос полностью лежит вне сферы психологии, и ответ этот ... выходит также за пределы всякого человеческого знания» [1, с. 254]. Поэтому все утверждения, что мы можем высказать о душе, «...определяются так, что всегда могут

быть объяснены вместе с законами природы сообразно категориям субстанции и причины...» [1, с. 256]. Отсюда следует, что при опровержении мендельсоновского доказательства постоянности души, Кант пришел к обновленной критике разума. Но мысли о «душе», сходные с кантовскими выводами о структуре разума, при определенных оговорках встречаются уже у Мендельсона. Так, вопросы о свободе воли, бессмертии души и бытии Бога, согласно Канту, представляют собой конечную цель, на которую направлена спекуляция разума в трансцендентальном применении, но эти вопросы лежат в плоскости трансцендентной, а потому они «...и не имеют никакого имманентного <касательства>, т. е. допустимого для предметов опыта...» [1, с. 468].

Опираясь на результаты размышлений М. Мендельсона и И. Канта о душе и бессмертии души, можно говорить о том, что эти идеи порождены человеком и неотделимы от человеческой природы – мы так устроены, что осознаем себя в мире как отдельные субстанции и как организмы, обладающие на опыте душой, которая представляется нам самим отдельной от нас субстанцией.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Мысль, 1994.
2. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / пер. В. С. Соловьева. – М.: Прогресс; VIA, 1993.
3. Крыштоп Л. Э. Государство и церковь (взгляд Канта и Мендельсона) // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 156–165.
4. Румянцева Т. Г. М. Мендельсон в эпистолярном наследии И. Канта // Кантовский сборник (Калининград). – 2010. – № 1(31). – С. 41–47.
5. Румянцева Т. Г. Работа И. Канта «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» и ее значение для становления нового типа метафизики // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2012. – № 1. – С. 33–37.
6. Шевцов А. В. Имманентная философия Вильгельма Шуппе в контексте неокантианства (к вопросу о ее рецепции в русской философии начала XX в.) // Христианское чтение. – 2018. – № 4. – С. 167–180.
7. Шевцов А. В. М. И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX века. – М.: Мир философии, 2017. – 302 с.
8. Шевцов А. В. Философское учение М. Мендельсона в трактате «Федон или о бессмертии души» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 33–42.
9. Шевченко И. В. Спинозизм в трактовках Бога, человека и морали немецкой религиозной философией конца XVIII в. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2016. – № 1. – С. 55–65.

10. Jakob L. H. von. Beweis für die Unsterblichkeit der Seele aus dem Begriffe der Pflicht. – Züllichau, 1794. – 240 s.

11. Jakob L. H. von. Prüfung der Mendelssohnschen Morgenstunden oder aller spekulativen Beweise für das Daseyn Gottes. – Halle, 1786. – 334 s.

12. Mendelssohn M. Morgenstunden oder Vorlesungen über das Daseyn Gottes: 4. Auflage [1 Auflage – Berlin: Christian Friedrich Voss, 1785] – Berlin: Berliner Ausgabe; Holzinger, 2017. – 156 s.

13. Mendelssohn M. Phaëdon oder über die Unsterblichkeit der Seele. – Leipzig: Druck und Verlag von Philipp jun, 1871. – 154 s.

References

1. Kant, I. (1994). *Krytyka chistogo razuma* [Criticism of pure mind]. Moskva: Mysl'. (In Russian).

2. Kant, I. (1993). *Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafisike, mogushchey vzniknut' v smysle nauki* [The Prolegomens towards to all methaphysic, that stand by as a science of sense]. Transl. by Vladimir Solov'yov. Moskva: Izdatel'skaya gruppa "Progress". (In Russian).

3. Krysh-top, L. E. (2015). Gosudarstvo i tserkov' (vzgyad Kanta i Mendel'sona) [State and church (look of Kant and Mendelssohn)] *Voprosy filosofii*. No.12. pp. 156–165. (In Russian).

4. Rummyantseva, T. G. (2010). M. Mendelssohn v epistol'yarnom nasledii I. Kanta [M. Mendelssohn in the epistolary heritage of I. Kant] *Kant' collection (Kaliningrad)*. No. 1(31). pp. 41–47. (In Russian).

5. Rummyantseva, T. G. (2012). Rabota I. Kanta "Gryozy dukhovidtsa, poyasnyonnye gryozami metafiziki" i eyo znachenie dlya stanovleniya novogo tipa metafiziki [I. Kant's work "The Dreams of the Spiritual Man Explained by the Greeks of Metaphysics" and its significance for the formation of a new type of metaphysics] *Vesnik Belaruskaga Dziarzhavnaga universiteta*. Serie 3. Gistorya. Filasofia. Psihologia. Palitalogia. Satsyyalogiya. Ekanomika. Prava: Minsk, No. 1. pp. 33–37. (In Russian).

6. Shevtsov, A. V. (2018). Immanentnaya filosofiya Wil'hel'ma Schuppe v kontekste neokantianstva (k voprosu o eyo retseptsi v russoj filosofii nachala XX veka) [Immanent philosophy of Wilhelm Schuppe in the context of Neo-Kantianism (to the question of its reception in Russian philosophy at the beginning of the 20th century)]. *Christian reading*. No. 4. pp. 167–180. (In Russian).

7. Shevtsov, A. V. (2017). *M. I. Karinsky and Russian gnoseology of the late 19 – early 20 centuries*: Moskva: Mir filosofii [The world of philosophy]. (In Russian).

8. Shevtsov, A. V. (2021). Filosofskoe uchenie M. Mendel'sona v traktate "Fedon" (Phädon) ili o bessmertii dushy" [Philosophical doctrine of M. Mendelssohn in the treatise "Fedon or on the immortality of the soul"]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. pp. 33–42. (In Russian).

9. Shevchenko, I. V. (2016). Spinozizm v traktovkakh Boga, cheloveka i morali nemetskoj religioznoj filosofiej kontsa XVIII veka [Spinozism in the interpretations of God, man and morality by the German religious philosophy of the late 18 century] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 1. pp. 55–65. (In Russian).

10. Jakob, L. H. von (1794). *Beweis für die Unsterblichkeit der Seele aus dem Begriffe der Pflicht* [Proof of the immortality of the soul from the concept of duty] Züllichau. 240 s. (In German).

11. Jakob, L. H. von (1786). *Prüfung der Mendelssohnschen Morgenstunden oder aller spekulativen Beweise für das Daseyn Gottes* [Examination of the Mendelssohnschen morning hours or all speculative evidence of the Dasein of God]. Halle. 334 s. (In German).

12. Mendelssohn, M. (2017). *Morgenstunden oder Vorlesungen über das Daseyn Gottes* [Morning hours or Lectures on the Being of God]: 4th Edition [1 Edition – Berlin: Christian Fr. Voss, 1785] Berlin: Berliner Ausgabe, Holzinger. 156 s. (In German).

13. Mendelssohn, M. (1871). *Phaedon oder über die Unsterblichkeit der Seele* [Phaedo or about the immortality of the soul]. Leipzig: Druck und Verlag von Philipp jun. 154 s. (In German).

Об авторе

Шевцов Александр Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Институт социального инжиниринга и гуманитарных наук, Московский авиационный институт – Национальный исследовательский университет, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0934-6054, e-mail: ashevzov@mail.ru

About the author

Alexander V. Shevtsov, Cand. Sci. (Philos.), associate professor, Institute of engineering, economics and humanities – Moscow Aviation Institute (National research university) MAI, Moskva, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-0934-6054, e-mail: ashevzov@mail.ru

Поступила в редакцию: 02.12.2021

Received: 02 December 2021

Принята к публикации: 31.01.2022

Accepted: 31 January 2022

Опубликована: 10.03.2022

Published: 10 March 2022